

УДК 316.4.05

СИБИРЦЕВА Юлия Александровна, кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой культурологии и религиоведения института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 30 научных публикаций

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РЕЛИГИОЗНОСТИ В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ: ДИАЛЕКТИКА ЭТНИЧЕСКОГО И РЕЛИГИОЗНОГО В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ*

В статье проанализированы степень и характер взаимообусловленности этнического и религиозного факторов в общественных отношениях, определена степень влияния конфессионального фактора на формирование национального самосознания, на характер общения различных наций и народностей. Отмечается, что переплетение национального и религиозного зависит от конкретных социально-политических условий.

Этничность и религиозность определяются как модели, которые ориентируют индивида в социальном пространстве. Отмечается, что на этнических границах религиозность часто выступает в качестве дополнительного маркера этничности. Подчеркивается, что эти две идентичности – религиозная и этническая – на уровне групп, сообществ или отдельной личности могут вступать в противоречие и противостояние.

Автором выявлены особенности проявления конфессионального фактора в условиях многонационально-го российского общества, рассматриваются проблемы межэтнических и межконфессиональных отношений.

Ключевые слова: *религиозное самоопределение, этническое самоопределение, этнокультурные взаимоотношения, межконфессиональные взаимоотношения, этнический принцип исчисления религиозной принадлежности.*

Этнический, культурный, религиозный компоненты есть важные составляющие духовной жизни любого общества. Их взаимосвязь, своеобразие функционирования являются важнейшим репрезентантом общего состояния со-

циума, регулятором сегодняшней жизни и вектором перспектив развития.

В последнее десятилетие наблюдались всплески противостояния, основанного на этнической и конфессиональной принадлежности

---

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение № 14.В37.21.2120.

© Сибирцева Ю.А., 2014

различных субъектов общества. В силу ряда причин в этих событиях определяющим становится этнический фактор. Однако на сегодняшний день таким же весомым и значимым становится религиозный фактор, что позволяет говорить о существовании не только конфессиональной, но и так называемой этноконфессиональной проблемы [5, с. 4–7].

Проблема этноконфессиональных отношений чрезвычайно актуализируется и в связи с тем, что многие российские политические движения сегодня предлагают в своих документах концепции будущего национально-государственного устройства, базирующиеся на том или ином видении взаимоотношений наций и религий [8, с. 45–74]. Значительная роль отводится этноконфессиональному фактору также и в разнообразных концепциях общенациональной идеи России [9].

Бесспорно, вопросы этноконфессиональных отношений выдвинулись в последние годы на передний план теории и практики общественных преобразований. Становится очевидным, что будущее России, всех населяющих ее народов во многом зависит от их способности, а также от способности властных структур обеспечить необходимый уровень единства и взаимопонимания представителей многочисленных этносов и религий. Не осознав и не исследовав особенностей проявления религиозного и национального факторов в многоконфессиональном обществе, не уловив направленности трансформирующегося сознания российских граждан, невозможно выработать рекомендации по взаимодействию органов власти с этническими общностями и религиозными организациями.

Каким образом проявляется этнический фактор в современных условиях? Возможно, как полагает ряд зарубежных ученых, в частности М. Хайслер, в «эпоху постнационализма» этничность трансформировалась в иные – социальные, психологические, политические и экономические феномены и приобрела «радикально измененные значения», или, попросту говоря, исчезла, а жизнь частного человека обусловлена прежде всего внеэтническими

характеристиками социального бытия (уровнем образования, родом занятий, доходом и т. п.), законами, институтами и конкретной политикой. Однако в современном мире, несмотря на развитие глобальных интеграционных процессов, осознание большей частью населения единства культурного и информационного пространств и других значимых факторов, присутствуют очаги таких явлений, как национализм, расизм, ксенофобия и др., причем в их сферу по-прежнему активно вовлекается религия, выступающая фактором, который используется заинтересованными силами в своих политических целях.

Сложность и неоднозначность вопроса объясняется тем, что практически невозможно составить универсальную схему взаимосвязи этнического и религиозного, т. к. на практике мы имеем дело с ее различными видами, существенно различающимися между собой, принадлежащими к разным культурным традициям и ареалам распространения. Определенно можно сказать, что симбиоз религиозного и национального, искусственно создаваемый, как правило, возможен в случае, когда преследуются конкретные политические цели [1, с. 110–124].

Многие религиоведы и социологи обращают внимание на разницу между этничностью и религиозной традицией, между причастностью к религиозной традиции и личной религиозностью. Заметим, что результаты социологических исследований, выявляющих религиозную самоидентификацию человека, во многом зависят от постановки вопроса. На прямой вопрос «Вы верующий?» большая часть респондентов еще недавно отвечала: «Нет». Но те же самые респонденты, которые только что признались в своем неверии, на вопрос «К какой конфессии вы себя относите?» говорили: «Я православный (мусульманин, иудей)», т. е. относили себя к конкретной религиозной традиции. Иными словами, проблема в неоднозначной самоидентификации человека [4, с. 5].

А.В. Журавский доказывает оправданность применения термина «этническая религиозность» в социологическом, историческом и политологическом контекстах. Он считает,

что связь этничности и религиозности необходимо рассматривать как связь двух традиций или двух идентичностей, причем это связи двух разных уровней [3]. Православие «объявляется» этнической религией русских, украинцев, белорусов, чувашей, мордвы, карел, коми, осетин, части удмуртов и марийцев и т. д.). При использовании такого метода подсчета получается, что, согласно данным Всероссийской переписи 2002 года, количество православных составляет около 120 млн (русских – почти 116 млн, украинцев – 3 млн, чувашей – более полутора млн, мордвы – около 900 тыс., белорусов – 800 тыс. чел. и т. д.). Этнический принцип исчисления религиозной принадлежности среди христиан используют не только православные. По оценкам общее число католиков в России – примерно 500 тыс. чел. Эти цифры могли появиться только на основании этнического принципа подсчета. Численность «этнических католиков» в России по итогам Всероссийской переписи населения 2002 года можно определить следующим образом: испанцев – 1547, итальянцев – 862, кубинцев – 707, литовцев – 45569, поляков – 73001, словаков – 568, французов – 819 чел. В России проживает значительное число белорусов и украинцев – католиков по семейной традиции. Кроме того, следует учесть, что многие люди, имеющие среди своих предков католиков, хотя и называют себя во время переписи русскими, в религиозной сфере идентифицируют себя со своим семейным католическим, а не православным наследием. Таким образом, итоговая цифра – около 500–600 тыс. чел. Наиболее упоминаемая численность мусульман в России – 20 млн чел. Этническим принципам, естественно, следуют и лидеры иудаизма. По данным переписи населения, официальная численность евреев в России – 233 439 чел. Исходя из иудейского вероучения, все они должны считаться иудеями. Состав «этнических буддистов» в России в соответствии с данными переписи следующий: буряты – 445 тыс. чел., калмыки – 174 тыс. и тувинцы – 243 тыс. чел.; итого не более 900 тыс. чел. [12].

Что означает самоидентификация россиян с религией? Среди российских православных, мусульман, буддистов и последователей других менее многочисленных конфессий есть несколько категорий людей. Одни – те, кто с детства идентифицировал себя с религией и оставался верен ей на протяжении всей жизни. Другие стали «религиозными» с тех пор, как появилась свобода совести. Среди них есть люди, сделавшие сознательный выбор, и те, кем движет «мода» (быть крещеным, носить крест, венчаться в церкви и т. д.). Третьи, оставаясь агностиками (а иногда и атеистами), причисляют себя к той или иной конфессии, отождествляя религию со своей генетической культурой.

Очень ценным представляется материал первого в России этносоциологического исследования, проведенного под руководством Л.М. Дробжевой [2, с. 19–28]. Каждый из шести выбранных для работы объектов – субъектов Российской Федерации (Татарстан, Саха (Якутия), Тува, Северная Осетия, Магаданская и Оренбургская области) – давал возможность изучить ситуацию в условиях разнообразных этнополитических и одновременно этноконфессиональных процессов и отношений. Важным моментом данного исследования было то, что коллектив ученых изучал национальные культуры представителей разных конфессий, и в этом плане учитывалась целая гамма этнокультурных и этноконфессиональных линий сопряжения [11].

Исследования группы ученых Института этнологии и антропологии РАН, равно как и результаты исследований других научных коллективов, показывают, что совместная жизнь десятков этносов, до недавнего времени составлявших определенную целостность в рамках единого государства – СССР, способствовала унификации их социальных, политических, экономических и даже некоторых религиозных (в рамках разных религий и конфессий) ценностей.

Вопрос об унификации религиозных ценностей в разных этноконфессиональных общностях можно выделить особо. Не только православие, но и ислам на территории нашей страны приобрел во многом существенную

«российскую» специфику, в силу чего, например, на культурно-бытовом уровне «татарский ислам» отличается от «иранского ислама» или любого иного «зарубежного» ислама. Характерной особенностью религиозного развития на постсоветском пространстве стало то, что традиционные конфессии воспринимаются не только как собственно религиозные (мировоззренческие) системы, но и как привычная культурная среда и национальный образ жизни.

Таким образом, как справедливо заключает Л.М. Дробижеева, «разделяют народы не перво-степенные жизненные ценности» [11, с. 45], так называемые «ценности выживания», а менее значимые факторы, в т. ч. и субъективного порядка. Так, если в Татарстане русскоязычные периодические издания уделяют перво-степенное внимание проблеме проведения реформ, то издания на татарском языке характеризуются повышенным интересом к вопросам этнической культуры и религии. Соответствующие информационный фон и акценты в СМИ, разумеется, оказывают значительное влияние на граждан и, в частности, разграничивают этнические общности – русских и татар – в части их представлений о значимости сохранения и возрождения своей культуры и религии.

Характеризуя основные черты «русской» самоидентификации в целом, можно заключить, что, во-первых, она безусловно наличествует и говорить об этнической денационализации русских явно преждевременно. Во-вторых, национальное самосознание по признаку этнической самоидентификации крайне противоречиво, что обусловлено, в частности, общим ценностным кризисом постсоветского человека. В-третьих, социальный фактор (государство и образ жизни) консолидирует русских значительно в большей мере, чем этнический (традиции, обычаи) [10, с. 92].

Следует отметить, что, согласно исследованию Л.М. Дробижеевой, тесное или слабое переплетение национального и религиозного зависит от конкретных социально-политических условий. Известно, что у народов, наций и этнических групп, оказавшихся этнокон-

фессиональным меньшинством среди более сильных народов, национальное и религиозное чувства проявляются более обостренно, особенно в том случае, если национальная и конфессиональная принадлежность сливается в единое целое. Так, например, происходит с башкирами, татарами, узбеками за пределами родных республик. Светские, конституционно-правовые средства для сохранения самобытности народов в этих случаях оказываются недостаточными. Русские в России меньше всего нуждаются в религии для защиты своего языка, национальной самобытности, тогда как башкиры, татары и другие мусульманские народы считают ислам реальным гарантом защиты от ассимиляции и потери национальных духовно-культурных ценностей. Стоит отметить, что межэтнические отношения становятся особенно конфликтными в условиях происходящих в стране социальных трансформаций. В то же время современные трансформационные процессы не могут не иметь специфического характера, обусловленного полиэтничностью, поликонфессиональностью населения региона [6, с. 82–88].

В настоящее время в Российской Федерации реализована федеральная целевая программа «Этнокультурное развитие регионов России на 2008–2012 годы» и ведется работа по реализации федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России. 2013–2017 годы». В качестве основных целей обеих программ выступают формирование единого этнокультурного пространства; гармонизация межнациональных и этноконфессиональных отношений, что является особенно важным в современном российском обществе, где религия является одной из важнейших сфер общественной жизни и оказывает заметное влияние на формирование мировоззренческой ориентации многих людей. В силу этого осмысление характера взаимоотношений этнического и религиозного поможет установлению доверия между представителями различных конфессий и разрешению этноконфессиональных конфликтов.

Российская Федерация – многонациональная и многоконфессиональная страна. И поэтому совершенствование межнациональных отношений в ней требует углубленного изучения современного состояния и перспектив развития, учета и анализа всех факторов, влияющих на эти отношения, в т. ч. религиозных. Сейчас процесс формирования этнокультурных и меж-

конфессиональных отношений в России идет сложно и противоречиво, подчас приходится сталкиваться с проявлениями ксенофобии, нетолерантности. Поэтому необходимо создавать не только государственные, но и гражданские механизмы развития межнационального и межконфессионального сотрудничества и взаимодействия.

Список литературы

1. Губогло М. Три линии национальной политики в посткоммунистической России // Этнограф. обозрение. 1995. № 5. С. 110–124 (начало); № 6. С. 137–144 (окончание).
2. Дробизжева Л.М. Методологические проблемы этносоциологических исследований // Науч. Татарстан. 2011. № 2. С. 19–28.
3. Журавский А. Проблема этничности в религии. URL: <http://www.sedmitza.ru/text/395979.html> (дата обращения: 18.06.2014).
4. Журавский А.В., Кырлежев А. Российское государство перед феноменом религиозности // НГ – религии. 2003. 5 окт. С. 5.
5. Здиорук С.И. Специфика взаимовлияния этнического и религиозного: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Киев, 1992. 17 с.
6. Здравомыслов А. Проблемы становления русского национального самосознания в новом политическом пространстве // Трансформационные процессы в России и Восточной Европе и их отражение в массовом сознании. М., 1996. С. 82–88.
7. Пащенко А.Я. Социальная философия евразийства. М., 2003. 368 с.
8. Рагузин В.Н. Этноконфессиональные отношения в современной России: состояние, проблемы, противоречия (социально-философский анализ): дис. ... д-ра филос. наук. М., 1999. 309 с.
9. Русская идея / сост. и авт. вступ. ст. М.А. Маслин. М., 1992. 496 с.
10. Сикевич З.В. Национальное самосознание русских (социологический очерк). М., 1996.
11. Социальная и культурная дистанция. Опыт многонациональной России / под. ред. Л.М. Дробизжевой. М., 1998.
12. Филатов С., Лункин Р. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социс. 2005. № 6.

References

1. Guboglo M. Tri linii natsional'noy politiki v postkommunisticheskoy Rossii [Three Directions of National Policy in Post-Communist Russia]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 1995, no. 5, pp. 110–124; no. 6, pp. 137–144.
2. Drobizheva L.M. Metodologicheskie problemy etnosotsiologicheskikh issledovaniy [Methodological Problems of Ethno-Sociological Studies]. *Nauchnyy Tatarstan*, 2011, no. 2, pp. 19–28.
3. Zhuravskiy A. *Problema etnichnosti v religii* [The Issue of Ethnicity in Religion]. Available at: <http://www.sedmitza.ru/text/395979.html> (accessed 18 June 2014).
4. Zhuravskiy A.V., Kyrlezhev A. Rossiyskoe gosudarstvo pered fenomenom religioznosti [Russian State Faced with Religiousness]. *NG – religii*, 5 October 2003, p. 5.
5. Zdioruk S.I. *Spetsifika vzaimovliyaniya etnicheskogo i religioznogo: avtoref. dis. ... kand. fil. nauk* [The Specific Character of Interaction Between the Ethnic and the Religious: Cand. Philos. Sci. Diss. Abs.]. Kiev, 1992. 17 p.
6. Zdravomyslov A. Problemy stanovleniya russkogo natsional'nogo samosoznaniya v novom politicheskom prostranstve [The Formation of Russian National Identity in the New Political Space]. *Transformatsionnye protsessy v Rossii i Vostochnoy Evrope i ikh otrazhenie v massovom soznanii* [Transformation Processes in Russia and Eastern Europe and Their Reflection in Mass Consciousness]. Moscow, 1996, pp. 82–88.

7. Pashchenko A.Ya. *Sotsial'naya filosofiya evraziystva* [The Social Philosophy of Eurasianism]. Moscow, 2003. 368 p.
8. Raguzin V.N. *Etnokonfessional'nye otnosheniya v sovremennoy Rossii: sostoyanie, problemy, protivorechiya (sotsial'no-filosofskiy analiz): dis ... d-ra filos. nauk* [Ethnic and Religious Relations in Modern Russia: Status, Problems and Contradictions (Socio-Philosophical Analysis): Dr. Philos. Sci. Diss.]. Moscow, 1999. 309 p.
9. *Russkaya ideya* [The Russian Idea]. Comp. by Maslin M.A. Moscow, 1992. 496 p.
10. Sikevich Z.V. *Natsional'noe samosoznanie russkikh (sotsiologicheskiy ocherk)* [National Identity of Russians (Sociological Survey)]. Moscow, 1996.
11. *Sotsial'naya i kul'turnaya distantsiya. Opyt mnogonatsional'noy Rossii* [Social and Cultural Distance. Experience of Multinational Russia]. Ed. by Drobizheva L.M. Moscow, 1998.
12. Filatov S., Lunkin R. Statistika rossiyskoy religioznosti: magiya tsifr i neodnoznachnaya real'nost' [Statistics of Russian Religiosity: Magic Numbers and Ambiguous Reality]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2005, no. 6.

Sibirtseva Yuliya Aleksandrovna

Institute of Social, Humanitarian and Political Sciences, Northern (Arctic) Federal University
named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)

INTERPRETATION OF RELIGIOUSNESS IN THE SYSTEM OF SOCIAL RELATIONS: DIALECTICS OF THE ETHNIC AND RELIGIOUS IN THE SOCIAL SPACE OF RUSSIA

The article analyzes the degree and nature of interdependence of the ethnic and religious factors in social relations and determines the extent to which religion affects the formation of national identity and the relationships between various nations and ethnic groups. The author points out that the intertwining of the national and the religious depends on the specific socio-political conditions.

Ethnicity and religiousness are defined as models that guide the person in the social space. Moreover, at the ethnic boundaries, religiousness often acts as an additional ethnic marker. These two identities – the religious and the ethnic ones – may conflict and confront with each other on the group level, on the level of communities or on the individual level.

The author of the article reveals special features of the religious factor's manifestations in the multinational Russian society and looks at the problems of interethnic and interfaith relations.

Keywords: *religious self-determination, ethnic self-determination, ethno-cultural relations, interfaith relations, ethnic principle in calculating religious affiliation.*

Контактная информация:

адрес: 163002, г. Архангельск, просп. Ленинградский, д. 61;
e-mail: juasi@mail.ru

Рецензент – *Аринин Е.И.*, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и религиоведения гуманитарного института Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых